

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

РИЧАРД

ФРИМЕН

.....

ТАЙНЫ Д'ЭРБЛЕ

.....

Золотой век английского детектива

Ричард Фримен
Тайны Д'Эрбле

«АСТ»

1926

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Фримен Р. О.

Тайны Д'Эрбле / Р. О. Фримен — «АСТ», 1926 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-102598-4

Во время прогулки у озера молодой врач Стивен Грей обнаруживает на берегу тело скульптора Д'Эрбле. Но как там оказался скульптор? При каких обстоятельствах погиб? Полиция теряется в догадках, и тогда Стивен Грей просит своего коллегу доктора Торндайка провести частное расследование. А вскоре и жизнь самого Стивена оказывается в смертельной опасности...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-102598-4

© Фримен Р. О., 1926
© АСТ, 1926

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ричард О. Фримен

Тайны Д'Эрбле

Richard Austin Freeman

THE D'ARBLAY MYSTERY

© Перевод. Л. Мордухович, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Встреча у лесного озера

До какого-то момента наше прошлое кажется далеким, смутным и туманным. Зато все случившееся после помнится ярко и отчетливо, и почему-то крепнет уверенность, что все это непременно, неминуемо должно было случиться. Странное ощущение... Сейчас, спустя двадцать лет, мне кажется, будто это было только вчера.

Должен признаться, подробности тех событий представляются мне столь невероятными, что рассказывать о них неловко и даже боязно.

Но ведь это было.

Я пишу, и перед моими глазами возникает картинка: ранняя осень, Хайгейт, солнечно, на часах восемь утра, и я, вполне еще молодой человек, двадцати пяти лет от роду, обладатель свеженького врачебного диплома, отправляюсь на прогулку в лес, благо он здесь неподалеку. Завтра мне предстоит начать работу. Но это завтра, а сегодня ничего, кроме приятной праздности. Правда, блокнот для зарисовок в кармане и коробка с пробирками для сбора образцов намекали на истинную цель прогулки, но это для меня все равно был отдых.

Вот и лесная аллея. Тишина, косые лучи солнца золотят опавшие с дубов листья. Их немного, осень только начинается. Я почему-то вспомнил тогда, что это остаток первобытного девственного леса, покрывавшего всю Британию, и где-то там в низине находится посещаемая духами большая общая могила умерших от чумы...

Аллея повернула направо; по обе ее стороны шли высокие кусты, а за ними деревья, в основном дубы, но попадались и лиственницы, серовато-зеленая хвоя которых отсвечивала голубизной. И там стояла она, среди папоротников, как прекрасное видение. По-настоящему прекрасное – девушка была необыкновенно хороша собой. Она пристально вглядывалась в чашу, наклонившись вперед, как будто что-то искала, но при моем появлении, испуганно пожившись, выпрямилась.

Не желая смущать ее, я отвернулся и прошел мимо, сделав вид, что никого не заметил. Нас разделяло не больше десяти футов. Девушка была примерно моего возраста; по виду, несомненно, леди. Я шел дальше, гадая: что она делает тут в такую рань? И вообще, девушке небезопасно находиться в лесу одной. Да она и сама это, видимо, сознавала: мое появление явно ее испугало.

Но все-таки что она высматривала? Что можно было тут потерять, чтобы прийти искать рано утром? Впрочем, это не мое дело. Девушка, конечно, красива, но мне пора сворачивать к месту назначения.

Я двигался к озеру, как и намеревался с самого начала, а у самого из головы не выходила загадочная фигура, высматривающая что-то среди деревьев. Не скрою, если бы она была не так красива, я бы, наверное, уделил ей намного меньше внимания. Но мне было двадцать пять, и если мужчина в таком возрасте не замечает привлекательных девушек, значит, с головой у него далеко не все в порядке.

В задумчивости я незаметно вышел к большой поляне, в низине которой лежало небольшое овальное озеро с илистыми берегами, куда впадал хилый ручеек, начинавшийся неведомо где. Подойдя к воде, я немедленно приступил к делу: достал из кармана коробку с пробирками, зачерпнул одной немного воды и на свету через лупу изучил улов. Он оказался неплохим. Прилипшая к корешку ряски зеленая гидра, несколько активных дафний, алый водяной клещ и красивая сидячая коловратка. Озеро было богато такого рода фауной.

Ободренный успехом, я убрал пробирку и достал следующую. Вторая проба оказалась менее богатой, но пробудившийся азарт натуралиста заставлял брать пробы одну за другой. Я

медленно двигался вдоль берега, забыв обо всем, даже о загадочной девушке, и так увлекся охотой, что не заметил весьма примечательное и довольно крупное светлое пятно, которое, кажется, все время было на виду. Я увидел его, когда оказался совсем рядом: наклонился считать со свежей пробы ряску и уперся взглядом в человеческое лицо, обрамленное водорослями.

Я испугался. Стоял с перехваченным дыханием, не в силах оторвать взгляд. Это было лицо мужчины за пятьдесят, красивое, утонченное. Усы, борода клинышком, густые волосы с проседью. Тело было скрыто под водой. Странно, но лицо утопленника показалось мне знакомым.

О том, что делать дальше, и думать было нечего. Надо идти, искать полицейского и сообщить об увиденном. А там пусть сами решают. Я впихнул пробирки в коробку и, взглянув в последний раз на человека, будто спящего под зеркальной поверхностью воды, двинулся прочь. Неслышно ступая, почти крадучись, словно скрываясь с места преступления.

Возвращаясь тем же путем, я вспомнил, в каком беззаботном настроении совсем недавно пребывал, направляясь к озеру. Да, столкновение с трагедией, пусть даже случайное, мало кого оставит равнодушным. А в том, что у озера произошла трагедия, сомнений не было. Как врач, со смертью я был знаком не понаслышке. Но одно дело, когда это происходит в результате болезни или несчастного случая, и совсем иное – когда натыкаешься на мертвеца, плавающего в маленьком лесном озере. Вряд ли этот человек пришел сюда просто прогуляться. А хоть бы и так, все равно случайно упасть и утонуть в этом озере невозможно. Оно мелкое, с пологим дном. Может, самоубийство? Может быть, человек специально пришел сюда свести счеты с жизнью таким странным способом? Всякое бывает.

Не успел я дойти до главной аллеи, как снова увидел девушку, о которой, признаться, забыл. Она по-прежнему что-то искала в лесу, и мое появление опять ее испугало. На этот раз я не стал прикидываться и встретился с ней взглядом. В ее глазах были страдание и страх. Бледна и измучена... Теперь я понял, почему лицо того человека под водой показалось мне смутно знакомым. Девушка была на него похожа.

Сильно волнуясь, я остановился и снял шляпу:

– Простите, пожалуйста, я могу вам чем-то помочь? Мне показалось, вы что-то ищете.

– Спасибо, но мне не нужна помощь.

Ответ был вежливый, но в конце фразы ее голос чуть дрогнул.

При обычных обстоятельствах на этом бы наш разговор и закончился. Но не сейчас.

– И все-таки, что вы ищете? – рискнул продолжить я. – Поверьте, это не праздное любопытство. У меня есть причина.

Она задумалась на несколько секунд, а затем, потупившись, проговорила:

– Я ищу отца. – При этих словах у меня екнуло сердце. – Он вчера вечером не пришел домой. Папа всегда ходит через лес этим путем, ему так нравится. Вот я и пришла сюда посмотреть. Может, он в темноте заблудился, и ему стало плохо. Или...

Голос бедной девушки сорвался, и она разрыдалась.

Я принялся бормотать слова утешения, что-то совершенно невразумительное. Мне было не по себе. Утопленник, которого я только что видел в озере, – ее отец. Это несомненно. Но как об этом сказать?

Пока я набирался смелости, она первой задала вопрос:

– Вы упомянули, что у вас есть причина... Так что это? – Девушка замолчала и, глянув на меня, начала вытирать глаза.

Я предпринял последнюю попытку найти средство как-то смягчить известие, но в конце концов выпалил, запинаясь:

– Я начал спрашивать, потому что... Понимаете, я только что видел в озере утопленника, мужчину...

– Где? – вскрикнула она. – Пойдемте туда!

Я молча развернулся и быстро пошел по узкой тропинке, ведущей к озеру. Она едва поспевала следом. Через несколько минут мы были на берегу. Мертвец, естественно, пребывал в том же положении, но теперь я увидел еще и торчащий из ряски ботинок.

Она на секунду остановилась, а затем, издав мучительный стон, вошла в воду. Я полез за ней следом. Обняв мертвого отца за плечи, девушка тщетно пыталась вытащить его на берег. Я подоспел вовремя, и вдвоем мы справились с этим довольно быстро. Втащили тело по пологому склону и аккуратно положили на траву.

Не было произнесено ни слова, не было задано ни одного вопроса. Трагедия говорила сама за себя. Я стоял, сдерживая навернувшиеся на глаза слезы, и смотрел на дочь, переживающую потерю горячо любимого отца. И прямо сейчас передо мной ее солнечное, безоблачное прошлое превращалось в мрачное настоящее – с намеком на безрадостное будущее.

Она сидела на траве, положив голову мертвого отца на колени, и нежно стирала влагу носовым платком, поправляла седые волосы, шептала какие-то ласковые слова, наклоняясь к его уху, уже неспособному слышать. Она забыла о моем присутствии; кажется, для нее в мире перестало существовать все, кроме отца.

Шли минуты. Я стоял со шляпой в руке поодаль и наблюдал эту душераздирающую сцену, не осмеливаясь нарушить тишину, казавшуюся мне в тот момент священной. Но вечно так стоять было нельзя. В любом случае о происшествии следовало известить полицию, а они распорядятся убрать отсюда покойника и начнут устанавливать причину смерти.

Пришлось сделать над собой усилие.

– Простите, мисс, – произнес я так мягко, как только сумел, – ваш отец... Ему... Его необходимо отсюда перевезти. Но прежде надо сообщить в полицию. Я могу пойти один, но если вы... Мне не хочется оставлять вас здесь одну.

Девушка подняла на меня глаза. Я ожидал рыданий, но она, к моему огромному облегчению, отозвалась довольно спокойно:

– А я не могу оставить его здесь одного. Поэтому идите и... похлопочите о чем следует.

Пришлось скрепя сердце согласиться с ее решением. Возможно, на ее месте я бы поступил точно так же.

Пообещав вернуться как можно скорее, я припустил по лесной дорожке, едва не переходя на бег. Перед тем как скрыться за поворотом, оглянулся. Она сидела ссутулившись, скорбно вглядываясь в мертвое лицо отца, глядя мокрые волосы.

Я собирался идти в полицейский участок, причем вначале надо было узнать, где он находится, но мою задачу облегчил полицейский на велосипеде, встретившийся мне сразу, как только я вышел из леса на улицу. Попросив его остановиться, я коротко объяснил ему ситуацию.

Он деловито меня выслушал, затем сказал:

– Мы постараемся убрать оттуда тело как можно скорее. Я поеду в участок, и примерно через четверть часа мы будем на месте с каталкой. Встречайте нас там.

Я проводил его взглядом и повернул обратно в лес. Девушка сидела в той же позе, в какой я ее оставил. Увидев меня, она подняла глаза и, выслушав объяснения, спросила:

– Папу привезут в наш дом?

– Боюсь, что нет, – ответил я. – Тело останется в морге, пока не будет заключения коронера.

– Что ж, пусть будет так, – проговорила она с тихой покорностью и продолжила вглядываться в восковое лицо у себя на коленях.

Убедившись, что моя новая знакомая ведет себя в высшей степени разумно, я с облегчением направился обратно, намереваясь встретить полицейских у входа в лес. По дороге и потом, прохаживаясь в ожидании и поглядывая на улицу, я размышлял о случившемся.

Этот человек возвращался вечером домой по привычному пути. Стало быть, о том, что он заблудился, не могло быть и речи. Чего ради? Зачем ему было вечером, в полумраке углубляться в лес? И опять же – в таком мелком месте утонуть просто так, без постороннего вмешательства, просто невозможно.

Так как же все это объяснить? Ведь человек мертв, его тело я обнаружил в озере. Тут можно было предложить три версии, две из которых вряд ли стоило принимать во внимание. Версию о том, что он был пьян, я отверг сразу. Во-первых, эта девушка явно была из приличной семьи, отец ее никак не мог быть пьяницей. Но даже если он действительно был очень пьян, то как добрался до берега посреди леса, да еще в темноте?

И если ему вдруг стало плохо, то эти обстоятельства также оставались невыясненными.

Наконец, была последняя версия, тоже не вполне убедительная, но хотя бы объясняющая его появление там. Самоубийство. Место это безлюдное, тем более вечером. Если человек по какой-то причине решил свести счеты с жизнью, он вполне мог выбрать озеро. И не важно, что оно мелкое.

Версию вроде бы подтверждал тот факт, что дочь искала отца в лесу, полагая, что он заблудился. И все-таки меня это не убеждало.

Появились два констебля с каталкой. С ними был третий, в штатском. Видимо, детектив. Как только они приблизились, детектив представился: «Инспектор Фоллетт». И тут же начал задавать вопросы.

Я назвал свою фамилию, адрес, род занятий, а затем кратко изложил известные мне факты.

Инспектор быстро записал ответы в блокнот, затем спросил:

– Вот вы, как доктор, можете хотя бы приблизительно указать время смерти?

Я задумался.

– Судя по состоянию тела, он умер примерно девять-десять часов назад. Дочь говорит, что отец отсутствовал примерно столько времени.

Инспектор кивнул:

– Насколько я понял, ни с девушкой, ни с ее отцом вы знакомы не были и дополнительно ничего сообщить не можете.

– К сожалению, не могу, – подтвердил я.

Он вздохнул:

– Странно это все. Человек, возвращаясь поздно вечером с работы, по своей воле вдруг забрел на берег озера. Очень сомнительно. Впрочем, не стоит гадать. В ходе расследования все обстоятельства будут тщательно изучены.

Мы вышли к поляне.

– Бедняжка, – пробормотал инспектор, увидев девушку.

Она сидела в прежней позе, но теперь, положив голову мертвого отца на траву, тихо плакала. Я заметил, что ее юбка, от талии до самого низа, насквозь промокла.

Приблизившись к девушке, инспектор снял шляпу. Затем грустным, но внимательным взглядом быстро осмотрел мертвеца и мягко и почтительно обратился к дочери:

– Произошла страшная трагедия, мисс. Позвольте выразить вам искреннее сочувствие и заверить, что я разделяю вашу скорбь, но тем не менее вынужден задать несколько вопросов. Только самые необходимые.

Девушка потупилась, затем подняла глаза и тихо заговорила:

– Благодарю вас. Я все понимаю и готова ответить на вопросы.

– Прежде всего мне хотелось бы узнать ваше имя и адрес, а также имя погибшего джентльмена, который, я полагаю, приходился вам отцом.

– Меня зовут Мэрион Д'Эрбле. Отец – Джулиус Д'Эрбле. Он скульптор и изготовитель манекенов. Вдовец. Я его единственный ребенок, жила вместе с ним. – Подрагивающим голо-

сом девушка назвала адрес их дома в Хайгейте и мастерской отца на Эбби-роуд в районе Хорнси.

– Вы можете как-нибудь объяснить причину случившегося? – спросил инспектор, записав ее ответы в блокнот.

– Причину я просто не могу себе представить, – ответила она. – Вчера отец не пришел домой, и утром я пошла в его мастерскую проверить – папа иногда оставался там ночевать, когда работал допоздна. Женщина, которая убирает в мастерской и живет в доме рядом, сказала, что вчера отец задержался на работе позже обычного. Ушел где-то в начале одиннадцатого. Домой он всегда ходил через лес. Этот путь самый короткий и приятный. Поэтому я пошла в лес посмотреть... может быть, он... – Она всхлипнула. – Потом этот джентльмен сказал мне, что видел в озере... – Мисс Д'Эрбле всхлипнула снова и замолкла.

Бормоча извинения, инспектор закрыл блокнот и кивнул констеблям, стоящим с каталкой в нескольких шагах. Они молча приблизились к погибшему. Мы с инспектором подошли им помочь и вместе быстро положили тело на каталку.

Инспектор повернулся к мисс Д'Эрбле:

– Тело вашего отца сейчас доставят в морг. Потом, если вы пожелаете, могут перевезти к вам домой, но только после заключения коронера. Так что позвольте нам отбыть.

Не произнеся ни слова, она подошла к каталке, поцеловала мертвого отца в лоб, выпрямилась и замерла. Констебли накрыли тело покрывалом, почтительно поклонились и покатали каталку по узкой дорожке. Инспектор двинулся следом.

Мы с мисс Д'Эрбле долго смотрели им вслед. Я размышлял, что делать дальше. Конечно, ее надо проводить до дома. Она устала, и ей явно не по себе. Тем более в мокрой юбке. Но мы были практически незнакомы, и я стеснялся навязывать свое общество.

Однако, увидев, что она дрожит, я осмелел. Особенно после того, как напомнил себе о том, что я врач.

– Вам надо поскорее домой, переодеться. Иначе простудитесь. Я вас провожу.

Она подняла голову:

– На вас тоже вся одежда мокрая. Я доставила вам много хлопот...

– И все же позвольте мне вас проводить, – настаивал я. – У меня на душе станет спокойнее.

Она кивнула:

– Спасибо. Вы очень любезны. На самом деле я бы не хотела возвращаться домой в одиночестве.

Мы пошли. Через поляну и дальше по лесной тропинке. Она впереди, я сзади. Затем вышли на главную тропинку, потом на улицу и дальше к ее дому. Шли молча. Я не делал попыток завести разговор. Все, что я мог бы сказать, представлялось мне неуместным и банальным. А она, погруженная в горестные размышления, возможно, вообще забыла о моем присутствии.

– Надеюсь, – произнес я, когда мы приблизились к дому, – у вас есть кто-то, с кем вы сможете разделить горе?

– Есть, – отозвалась она. – Двое. Близкая подруга, моя ровесница, и наша старая служанка, давно ставшая членом семьи. Она нянчила еще маму, а после ее смерти была и остается в нашем доме за хозяйку. Она очень привязана к моему отцу. Известие о его смерти будет для нее тяжелым ударом. Не знаю даже, как ей сказать... – Ее голос дрогнул.

– Говорят, разделенное горе – это полгоря, – произнес я, пробуя хоть как-то ее утешить.

Через пять минут мы были на трехгранной площади перед приятным с виду домом семьи Д'Эрбле. От него веяло стариной. На воротах красной краской изящная надпись: «Коттедж в плюще». Из окна эркера первого этажа за нами встревоженно наблюдала пожилая женщина. Ее, видимо, смутило состояние нашей одежды. Она исчезла и вновь появилась в открытых дверях.

Мисс Д'Эрбле повернулась и протянула руку:

– До свидания. Надеюсь, позднее я смогу отблагодарить вас за доброту.

Она вошла в калитку, направляясь по неширокой мощеной дорожке к двери, где ее ждала старая нянька.

Глава 2

Беседа с доктором Торндайком

Стук закрывшейся калитки как будто обозначил конец одного действия и начало другого. До сих пор мое внимание было полностью приковано к мисс Д'Эрбле и ее горю, но теперь, когда она ушла, я немедленно принялся размышлять над сегодняшними событиями.

Как объяснить эту трагедию? Несчастный случай? Нет, не похоже. Человек может упасть в глубокую воду и утонуть: оступиться в темноте, споткнуться о причальный канат или что-нибудь похожее... Но там ничего похожего не было и в помине. В том месте, где находилось тело, глубина озера не больше двух футов, а ближе к берегу и того меньше. Так что если он и забрел туда в темноте, то мог легко выбраться на землю. Впрочем, как он мог туда забрести? Единственно, если с какой-то целью. Неужели, чтобы покончить с собой?

Размышляя над этим, я обнаружил, что не желаю принимать такую версию, несмотря на опасения и, может быть, подозрения дочери. Пока мы шли к дому, она рассказала кое-что об отце, и я понял, что это был человек всеми любимый, а значит, скорее всего счастливый. А счастливые люди самоубийством не кончают.

Но если отвергнуть версию самоубийства, то что же останется?

Озадаченный непостижимой тайной, я не переставал думать и сажаясь в трамвай, где прошел в самый конец, чтобы никто не видел мои мокрые брюки. Тайна смерти Джулиуса Д'Эрбле меня волновала не потому, что я был излишне любопытен. Нет. Его судьбу я неожиданно начал воспринимать как нечто личное, касающееся меня самого. Я знал его дочь всего несколько часов, но это были часы, которые мы с ней никогда не забудем. Что странным образом позволяло мне думать о ней как о близком человеке.

О том, чтобы разрешить загадку самому, не могло быть и речи. Но я знал, как поступить. Медицинский институт при больнице Святой Маргариты, где я учился, славился своими преподавателями. А кафедру судебной медицины у нас возглавлял один из крупнейших специалистов в этой области – доктор Джон Торндайк. Надо ли говорить, что в связи с загадкой о гибели мистера Д'Эрбле я сразу подумал об этом замечательном человеке. Во время учебы он несколько лет был моим куратором. В его доме я ни разу не был, но в последний раз он мне сказал, что, если понадобится совет, я могу обращаться к нему в любое время. И сейчас это время наступило. Я знал, что сегодня у него нет занятий, домашний же адрес можно было найти в институтском реестре.

На часах начало первого, было время переодеться и поесть.

Два часа спустя я двигался по приятной, обсаженной тенистыми деревьями улице, поглядывая на номера домов. А вот и вырезанный на камне в основании изящного кирпичного портика галереи XVII века номер дома Торндайка. Кажется, мой учитель на месте: дверь с его фамилией на дощечке была распахнута, за ней виднелась вторая, внутренняя, с висящим рядом отполированным медным дверным молотком, которым я и воспользовался.

На мой стук почти сразу отозвался невысокий, похожий на священника джентльмен в черном льняном фартуке и черных же гетрах на ногах. Он застыл с вежливым вопросом в глазах.

– Могу я увидеть доктора Торндайка? – спросил я и, чуть помедлив, добавил: – По делу.

Невысокий джентльмен осветился лучезарной улыбкой, при этом его лицо покрылось сетью маленьких симпатичных морщинок.

– У доктора ленч в его клубе, но он скоро вернется. Желаете подождать?

– Конечно, – отозвался я. – Надеюсь, мой визит его не беспокоит.

Невысокий джентльмен снова улыбнулся:

– Дела, связанные с профессией, доктор беспокойством не считает. Да и любой человек, если к нему обратились по делу, доставляющему удовольствие, вряд ли сочтет, что его побеспокоили.

Произнося эти слова, он поглядывал на стол, где стоял микроскоп, поднос с препаратами и крепежным материалом. Рядом лежала стопка матерчатых лоскутков.

– Извините, что оторвал вас, кажется, вы заняты, – сказал я.

– Это пустяки, – отозвался он. – Но, пожалуй, пора продолжить работу.

Он усадил меня в мягкое кресло, а сам занял место за столом и принялся возиться с лоскутками, отделяя от них нити. Понаблюдав некоторое время за его точными, выверенными движениями, я хотел было спросить, зачем эти нити нужны, как вдруг он вскинул иглу, которой работал, и прислушался.

– А вот и доктор.

Через секунду я тоже уловил едва слышный звук шагов, доносившийся издалека. Очевидно, ассистент доктора обладал слухом сторожевой собаки; он прекратил работу и собрал нити на краю стола. Шаги тем временем приближались, наконец дверь распахнулась, и появился доктор. Ассистент немедленно сообщил ему о моем присутствии.

Доктор улыбнулся:

– Полтон, вы недооцениваете мою способность к наблюдению. Я отчетливо вижу этого джентльмена невооруженным глазом. Здравствуйте, Грей. – Он радушно пожал мне руку.

– Сэр, если вы не можете уделить мне время для разговора, – смущенно проговорил я, – то я приду в другой раз... Мне нужно проконсультироваться по весьма загадочному делу.

– Друг мой, – Торндайк похлопал меня по плечу, – для весьма загадочных дел время у меня всегда найдется. Позвольте только повесить шляпу и набить трубку, а затем можете начать приводить меня в содрогание.

Мистер Полтон удалился, уложив лоскутки на поднос, а доктор Торндайк избавился от своей шляпы и, закулив, сел в кресло напротив с блокнотом, приглашая меня рассказывать. Что я и сделал.

Он внимательно слушал, время от времени делал заметки в блокноте и не прерывал рассказ. Когда я закончил, доктор просмотрел свои заметки и поднял глаза.

– Первая версия очевидна – самоубийство. У вас есть основания, кроме уже упомянутых, ее не принимать?

– Разве только вспомнить ваши наставления, – произнес я уныло. – Что к версии самоубийства в делах, где не все очевидно, следует относиться скептически.

Он одобрительно кивнул:

– Да, это один из главных принципов судебно-медицинской практики. Версию самоубийства следует рассматривать, когда разобраны все другие варианты. Но у нас нет никаких фактов, относящихся к делу. Возможно, что-то прояснится во время разбирательства у coronera. А может, и не прояснится. Но вас-то что здесь беспокоит? Ведь вы всего лишь свидетель, обнаруживший тело, и никогда с этими людьми знакомы не были.

– Это верно, – согласился я, – но мне хочется помочь мисс Д'Эрбле выяснить причину гибели ее отца. Мне показалось, что она надеется на меня... Чувствую себя в какой-то степени обязанным. Так получилось. И потому буду вам премного благодарен, сэр, если вы поможете мне в этом.

– И что вы хотите, чтобы я сделал? – спросил он.

– Все, что сочтете необходимым, – ответил я, – чтобы установить, как погиб этот человек.

Доктор Торндайк задумался.

– Проводить аутопсию coroner скорее всего поручит судебно-медицинскому эксперту. Я попрошу coronera разрешить мне присутствовать. Думаю, возражений не будет. Затем начнется разбирательство, в котором обязательно будете участвовать и вы – как свидетель. Я найму

знакомую и очень хорошую стенографистку, чтобы она сделала подробный отчет. Даже если аутопсия ничего интересного не выявит, все равно, изучив все представленные свидетельства, можно будет решить, нужно ли по этому делу дальнейшее расследование или нет. Вам такой план подходит?

Я облегченно вздохнул:

– Разумеется. О большем я и не мечтал. И очень вам благодарен, сэр, что вы согласились помочь.

– Не стоит благодарности, – отозвался он с улыбкой. – Вы проявляете благородство по отношению к несчастной осиротевшей девушке, которой, кроме вас, наверняка некому помочь, и я рад поучаствовать в добром деле.

Я снова его поблагодарил и поднялся уходить, но он вскинул руку:

– Посидите еще, Грей, если не торопитесь. Я только что услышал мелодичный звон посуды. Так давайте последуем примеру уважаемого мистера Пипса¹ и «вкусим китайский напиток, называемый чаем», и вы мне расскажете, чем занимались, с тех пор как ушли из-под моей опеки.

Сам я никакого звона посуды не уловил. Видимо, обитателей этого дома отличал особенно острый слух. Так или иначе, но буквально через несколько секунд дверь тихо отворилась, и на пороге возник мистер Полтон с подносом, уставленным изысканной чайной посудой, который он бесшумно и очень ловко поставил на небольшой столик между нашими креслами.

– Спасибо, Полтон, – произнес Торндайк. – Надеюсь, вы уже диагностировали нашего гостя как собрата по профессии.

Лицо ассистента опять пошло морщинками.

– Да, сэр, я сразу подумал, что он из наших.

С этими словами Полтон исчез, не издав при этом ни единого звука.

– Итак, – начал Торндайк, протягивая мне чашку с чаем, – чем вы занимались после того, как покинули больницу?

– Главным образом искал работу, – ответил я. – Пока нашел временную, доволен и этим. Завтра начинаю замещать доктора Корниша на Мекленберг-сквер. Там же буду жить. Доктор Корниш сильно измотался и хочет отдохнуть месяц-другой на восточном побережье. Сколько именно продлится его отпуск, пока не ясно. Это зависит от того, как он будет себя чувствовать. Но для меня сейчас чем дольше, тем лучше. Честно говоря, боязно начинать, ведь общеврачебную практику я еще не вел.

– Что касается пациентов, то с ними вы разберетесь быстро, – утешил меня Торндайк. – А вот насчет выписывания рецептов и бухгалтерского учета постарайтесь подробнее расспросить доктора Корниша, пока он не уехал. Основы медицинской практики вы, слава богу, изучили достаточно хорошо, а опыт придет со временем. Вам повезло, что погружение в профессию вы начинаете, замещая доктора, практика которого налажена. Так значительно легче.

Мы поговорили еще несколько минут, и я решил, что уже достаточно засиделся в гостях. Пожимая мне руку, Торндайк снова вернулся к причине моего визита:

– На разбирательство я не приду, если только коронер не решит, что это необходимо. Но надеюсь на вас: потом вы представите мне подробный отчет обо всем, что видели и слышали. Он мне пригодится, как и стенограмма. До свидания, Грей. И приходите, когда потребуется, не стесняйтесь.

Я шел к себе в приподнятом настроении. Дело Джулиуса Д'Эрбле теперь было в надежных руках. Загадкой его гибели будет заниматься эксперт, о способностях которого ходят легенды.

¹ Пипс, Сэмюэл (1633–1703) – английский чиновник морского ведомства; автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Впрочем, может, тут и нет никакой загадки. Может быть, есть какое-то простое объяснение, и после разбирательства у коронера это выяснится.

В любом случае теперь я мог спокойно подумать о завтрашней работе.

Глава 3

Неожиданная сенсация

На следующий день вечером, в конце первого рабочего дня, посыльный вручил мне повестку, приглашающую завтра утром прибыть на разбирательство у коронера. К счастью, в это время года пациентов у доктора Корниша было немного, так что отменять визиты или переносить их на другое время не пришлось.

Утром я, боясь опоздать, торопился настолько, что в результате явился первым. Сторож открыл для меня пустой зал. Впрочем, долго коротать время в одиночестве мне не пришлось. Минут через десять появился инспектор Фоллетт, и не успели мы с ним переброситься несколькими словами, как один за другим начали входить присяжные, следом репортеры, многочисленные зрители и, наконец, коронер. Он занял место во главе стола, готовясь открыть заседание.

Тут я заметил мисс Д'Эрбле. Она в нерешительности стояла в дверях. А за ее спиной – высокая статная девушка, вся в черном. Я направился к ним.

Увидев меня, мисс Д'Эрбле приветливо улыбнулась. Мы поздоровались за руку, затем она представила мне подругу: «Это мисс Боулер, о которой я вам говорила» – и обратилась к ней: «Арабелла, дорогая, это тот самый джентльмен, который был так любезен со мной вчера». Я почтительно поклонился, проводил девушек на свободные места в первом ряду и сел рядом с мисс Д'Эрбле.

Коронер произнес вступительную речь, после чего повел присяжных в морг – он находился в соседнем с залом помещении – ознакомиться с телом, а я воспользовался случаем получше разглядеть Мэрион Д'Эрбле. О том, что она хороша собой, я уже писал. И все же тогда, в трагических обстоятельствах, я не мог уделить ей должного внимания... Сегодня, отдохнувшая и пришедшая в себя, она была еще красивее. Дивное, задумчивое лицо, изящная, точечная фигура, темные, пышные, красиво уложенные волосы. О глазах следует сказать отдельно. Огромные, карие, бездонные, сейчас грустные и немного усталые, – от них трудно было оторвать взгляд.

– Боюсь, что разбирательство будет для вас тяжелым испытанием, – проговорил я.

– После вчерашнего я не боюсь никаких испытаний, – отозвалась она. – Вмиг осознать потерю самого любимого человека – вот это по-настоящему ужасно. А все остальное значения не имеет. Разбирательство, затем похороны – разве это может что-то изменить? Я до сих пор с трудом верю в реальность происходящего...

– К вам заходил инспектор?

– Да. Уточнил какие-то малозначащие детали, был очень любезен, но это ничто по сравнению с тем, как вы были добры ко мне вчера, в то ужасное утро.

Я совершенно искренне не понимал, о какой такой доброте с моей стороны идет речь, и собирался сказать об этом, но тут вернулся коронер с присяжными, а к нам быстро подошел инспектор Фоллетт.

– Мисс Д'Эрбле, прошу вас пройти со мной опознать покойного. Это необходимая формальность. И вы тоже, доктор Грей, должны присутствовать там как свидетель.

Мэрион послушно поднялась, и мы последовали за инспектором в морг. Тело, по плечи покрытое простыней, лежало на специальном столе. Я с тревогой наблюдал за Мэрион, опасаясь, что она не выдержит и сорвется, но девушка справилась с испытанием достойно. Постояла, тихо плача, вглядываясь в неподвижное восковое лицо отца. Затем повернулась, утерев глаза, и подошла подписать протокол опознания.

Мы вернулись в зал на свои места, и коронер начал вызывать свидетелей. Как я и ожидал, моя фамилия стояла в его списке первой.

Я встал у стола рядом с ним.

– Назовите свою фамилию, имя, род занятий и адрес, – попросил коронер.

– Меня зовут Стивен Грей, – начал я. – Род занятий – практикующий врач, временный адрес – Мекленберг-сквер, дом шестьдесят один, Лондон.

– Вы сказали, что адрес у вас временный. Что это значит?

– Сейчас я замещаю доктора Корниша, веду прием его пациентов и живу в его квартире. Это продлится полтора-два месяца.

Коронер кивнул:

– Хорошо. Вы опознали покойного в морге?

– Да. Этот тот самый джентльмен, которого я вчера утром, во вторник, шестнадцатого числа, случайно обнаружил в лесном озере.

– Вы можете оценить, как долго он был мертв к тому времени?

– Полагаю, девять или десять часов.

– Теперь изложите, пожалуйста, при каких обстоятельствах вы обнаружили погибшего.

Я рассказал со всеми подробностями о своем трагическом открытии, и меня с живейшим интересом слушали не только коронер и присяжные, но и все присутствующие.

Затем коронер спросил:

– Могли бы вы, как врач, указать причину смерти мистера Д'Эрбле?

– Нет, – ответил я. – На теле погибшего не было следов насилия... Я решил, что он утонул.

После меня коронер вызвал Мэрион Д'Эрбле, выразив ей соболезнования от себя и присяжных:

– Мы искренне сочувствуем вашему горю, но, к сожалению, вынуждены беспокоить.

– Я все понимаю, – произнесла она, – и благодарю вас и жюри присяжных за доброту.

Затем Мэрион произнесла присягу, представилась и назвала свой адрес. Первые вопросы к ней были примерно такими же, как и вчера у инспектора Фоллетта. После них коронер произнес:

– В момент встречи с мистером Греем вы находились в лесной чаще. По какой причине?

– Я очень беспокоилась об отце, – ответила Мэрион. – Он не пришел с работы, а накануне не упоминал, что намерен остаться ночевать в мастерской. Он иногда так делал, если задерживался до ночи. Утром я сразу пошла к нему на работу на Эбби-роуд. Женщина, присматривающая за мастерской, сказала, что вчера он ушел примерно в десять вечера. Вот тогда я заволновалась еще больше, потому что он ходил домой через лес.

– А что могло случиться с ним в лесу?

– Ну, он мог почувствовать себя плохо, потерять сознание. Отец упоминал однажды, что у него не все в порядке с сердцем, но как-то вскользь. Он не любил говорить о своем здоровье.

– То есть ничего другого вы не предполагали?

– Нет. Я боялась, что у него внезапно отказало сердце. Такое иногда случается с пожилыми мужчинами.

Коронер замолк, обдумывая ответ. Я не понимал, о чем тут можно размышлять. Все было совершенно ясно.

Наконец он заговорил, очень серьезно и веско, подчеркивая каждое слово. Опять же, с моей точки зрения, без всякой необходимости.

– Мисс Д'Эрбле, я прошу вас быть с нами предельно откровенной. Вы совершенно уверены, что иной причины смерти вашего отца, кроме внезапного отказа работы сердца, не видели?

Она удивленно посмотрела на него, видимо не понимая смысл вопроса. Что касается меня, то я заподозрил, что коронер намекает на злоупотребление спиртным.

– А что еще могло с ним случиться? – ответила она вопросом на вопрос. – Я просто не могу представить.

– У вас не было подозрений, что ваш отец мог покончить с собой?

Мэрион вздрогнула:

– Никогда. Папа был веселый человек, уравновешенный, увлеченный своей работой. Он редко бывал в плохом настроении. Я уверена, причин для самоубийства быть не могло.

Коронер кивнул, – казалось, слова дочери погибшего его удовлетворили, – и следом спросил:

– У вашего отца были враги?

– Нет. – Ее глаза наполнились слезами. – У папы была добрая душа, и это все чувствовали. Так что врагов у него не было.

Коронер смотрел на нее с симпатией, но продолжал гнуть свою линию:

– Но он мог обидеть кого-нибудь ненароком, и тот человек, к примеру, затаил к нему враждебность. Разве такое не случается?

– Только не с моим отцом, – твердо проговорила Мэрион. – Он никого не мог обидеть даже невзначай, потому что жил со всеми душа в душу.

Коронер записал ее ответ и застыл, как будто в чем-то сомневаясь. Затем поднял глаза:

– Расскажите о его работе.

– Мой отец был скульптором, – ответила она, – но в последнее время зарабатывал на жизнь разными ремесленными поделками, в основном из керамики. Это, конечно, были авторские работы, но все же далекие от искусства. Кроме того, он принимал заказы на рамы для картин и высококачественные восковые манекены. Чаще всего для витрин магазинов.

– У него были помощники?

– Нет. Он работал один. Время от времени с пресс-формами ему помогала я, но это когда заказ был большой. Обычно же он все делал сам. – Она задумалась. – Впрочем, иногда отец нанимал специалистов.

– Что это были за люди?

– Высококласные профессионалы. Большинство – итальянцы, среди них несколько женщин. В его адресной книге есть список.

– Над чем он работал накануне?..

– Готовил пресс-форму для фарфоровой статуэтки.

– Вам известно о его конфликтах с помощниками?

– Нет. Они все относились к нему с огромным уважением.

– Но все-таки, что это были за люди? Достойные, хорошо воспитанные?

– Пожалуй, да, весьма достойные люди. Трудолюбивые, трезвые, без вредных привычек.

Коронер опять замолк, испытующе глядя на свидетельницу. Затем сменил тему:

– Ваш отец носил при себе что-то ценное?

– Насколько мне известно, нет.

– Никаких ювелирных изделий? Может быть, дорогой портсигар или образцы драгоценных материалов?

– Нет, ничего такого при нем быть не могло. А работал он в основном с гипсом и воском.

– А деньги, какая-нибудь значительная сумма?

– Нет. За работу ему платили чеками, и свои платежи он осуществлял таким же образом. В бумажнике у него обычно лежало не больше двух фунтов.

Коронер опять глубоко задумался. Мне казалось, что он пытается выявить какой-то факт, но пока безуспешно. Наконец, бросив на свидетельницу очередной озадаченный взгляд, он повернулся к присяжным и предложил желающим задать вопрос. Таковых не оказалось, и он с благодарностями отпустил Мэрион.

Следя за ходом разбирательства, я несколько раз оглядывал зал. Мне было любопытно, кто ходит на такие мероприятия. Репортеры – это само собой. Мне показалось, что рядом с ними я разглядел стенографистку доктора Торндайка. Чуть подальше сидели зрители. Их было немного, но странно, что они вообще пришли. В газетах об этом деле говорилось очень сухо, оно не сулило никакой сенсации. Так почему? Единственное объяснение, какое я смог придумать, – все они знали покойного, может быть, соседствовали с ним, и пришли из любопытства.

Особое внимание привлекла женщина лет сорока. Ее лицо закрывала плотная черная вуаль. Видимо, вдова, постоянно носящая траур. Но мне удалось разглядеть, что она блондинка и носит очки. На коленях у нее лежала развернутая газета. Похоже, она слушала и одновременно читала. Неужели пришла сюда от нечего делать, вроде как развлечься? Странно.

Следующим свидетелем коронер вызвал патологоанатома, проводившего аутопсию. «Вдова» бросила на него равнодушный взгляд и вернулась к своей газете. Доктор, интересный мужчина – волосы с проседью, но довольно молодой, приятный уверенный голос, – начал неторопливо излагать результаты вскрытия:

– Покойный был хорошо сложен, с развитой мускулатурой, возраст около шестидесяти, практически здоров, за исключением недостаточности митрального клапана.

– Причиной смерти послужило это? – спросил коронер.

– Нет. Его сердце было вполне работоспособно, с таким диагнозом он мог жить по крайней мере еще лет двадцать.

– Так от чего он умер?

– От отравления аконитином. Это очень ядовитый алкалоид.

Мэрион Д'Эрбле охнула, а присяжные начали возбужденно переговариваться. Зрители зашевелились, даже дама в вуали оторвалась от газеты.

– И как был введен яд? – спросил коронер.

– Впрыснут в мышцу с помощью шприца.

– Покойный сделал это сам?

– Сам себе он ввести яд никак не мог, – ответил патологоанатом. – Инъекция была сделана в спину, под левую лопатку. И несомненно, если бы покойный решил таким способом покончить с собой, то ввел бы яд в более удобное место, например в переднюю часть бедра. А до своей лопатки он просто не смог бы дотянуться. – Доктор достал из коробочки шприц и продемонстрировал невозможность сделать самому себе инъекцию в указанное место. Затем передал шприц присяжным для ознакомления.

– И какова, по-вашему, цель всего этого? – спросил коронер.

– У меня нет сомнений, что это было убийство.

– То есть инъекция с лечебными целями исключается?

– Категорически. Тем более с учетом времени и места, где это было совершено. К тому же доза введенного препарата исключает какую-либо терапию. Она была летальная. Нам удалось обнаружить в теле покойного двенадцать гранов аконитина, тогда как смерть наступает всего от одного.

– А какова лечебная доза аконитина?

– Она составляет примерно четыре сотых грана, и даже это не совсем безопасно. Аконитин довольно редко применяют во врачебной практике. Мои выводы подтверждает профессор Вудфорд из больницы Святой Маргариты. Все манипуляции я делал в его присутствии.

– И как все это могло быть исполнено? – спросил коронер. – Я имею в виду инъекцию.

– Могу только предполагать, – ответил доктор. – Убийца с силой воткнул иглу в спину покойного, так что она задела ребро и погнулась. Затем он побежал, видимо, в сторону озера. Мистер Д'Эрбле начал его преследовать. Вскоре яд подействовал, и он упал. Конечно, мистер Д'Эрбле мог сам оказаться в воде, но, всего вероятнее, его туда бросили. Причем он был еще

жив. Мы обнаружили в его легких воду, а вот в желудке ее нет. То есть глотательный рефлекс уже не действовал.

– Значит, у вас нет сомнений, что мистер Д'Эрбле умер от инъекции яда, введенного в его организм с целью убийства? – произнес коронер, подводя черту.

– Никаких, – твердо ответил доктор. – Факты можно толковать только таким образом.

Коронер посмотрел на присяжных:

– Желают ли джентльмены задать свидетелю вопросы?

Старшина присяжных сказал, что жюри полностью удовлетворяют объяснения доктора, после чего коронер поблагодарил свидетеля, и тот удалился.

Последним выступил инспектор Фоллетт. Он коротко рассказал об осмотре места происшествия и о том, что было обнаружено у покойного. Деньги, около двух фунтов, часы, ключи и еще несколько предметов, не представляющих никакой ценности. Так что версия убийства с целью ограбления маловероятна.

Отпустив инспектора, коронер просмотрел свои записки и обратился к присяжным:

– Джентльмены, мне практически нечего добавить к уже сказанному. В своих выводах мы должны опираться только на свидетельства, а они достаточно убедительны. Мистер Д'Эрбле скончался от инъекции смертельной дозы ядовитого вещества. Инъекция была произведена насильно, с целью убийства. Преступник имел при себе шприц с ядом, что, несомненно, свидетельствует о его намерении лишить мистера Д'Эрбле жизни. Иными словами, в данном случае мы обязаны констатировать совершение преступления. К сожалению, мы не располагаем свидетельствами, позволяющими установить личность предполагаемого преступника и мотив. Прошу вас обсудить свидетельства и вынести вердикт.

Присяжные совещались недолго, затем старшина объявил вердикт:

– Смерть мистера Д'Эрбле наступила в результате преднамеренного убийства, совершенного неизвестным преступником.

Коронер кивнул:

– Я полностью разделяю ваше мнение, джентльмены. А вы, надеюсь, разделяете мою надежду, что преступник будет найден и предстанет перед судом.

На этом разбирательство закончилось, и присутствующие начали выходить из зала. Коронер подошел к мисс Д'Эрбле, чтобы еще раз выразить соболезнования в связи с тяжелой утратой. Я стоял поодаль, рядом с мисс Боулер. Она хмуро молчала, ее щеки были влажными от слез.

– Дело принимает неожиданный поворот, – рискнул произнести я.

Она качнула головой:

– Невыносимо сознавать, что злодей сейчас гуляет на свободе. Постигнет ли его заслуженная кара? Честное слово, я бы сама его казнила, вот этими руками.

Мы вышли на улицу и двинулись в молчании. Я с тревогой посматривал на бледное лицо Мэрион. Вид у нее теперь был еще хуже, чем вчера, когда она увидела мертвого отца. Нахмуренные брови, плотно сжатые губы, в глазах застыла мука.

Неожиданно она повернулась ко мне:

– Помню, я недавно сказала вам, что для меня важен лишь факт смерти отца, а все остальное значения не имеет. Но я не знала, что жизнь у него отняли таким мерзким, подлым способом. И обездолили меня.

– Да, – согласился я, – это ужасно.

– Если бы он умер естественной смертью, – продолжила она, – я бы попыталась смириться, подавить свое горе. Какой смысл бунтовать против природы? Но теперь оказалось, что жизнь у него отняли, причем на самом пике его творческого подъема. Он делился со мной планами, и они меня потрясали. Но убийца все разрушил. Думать об этом невыносимо. И это будет мучить меня до самой смерти. Я постоянно буду молить Бога о возмездии.

Я смотрел на нее со смесью восхищения и удивления. Кроткая, нежная девушка, какой она мне казалась, вдруг превратилась в героиню рыцарского эпоса, взывающую к мести: ее щеки порозовели, глаза пылали.

– Господь не позволит преступнику уйти от расплаты, – произнесла мисс Боулер с мрачной решимостью. – Я в этом уверена.

Остальной путь к дому Мэрион мы шли молча. У ворот она повернулась ко мне и, протянув руку, принялась благодарить.

– На моем месте так поступил бы каждый, – смущенно запротестовал я. – Но прошу вас, окажите честь, включите меня в круг своих друзей и позвольте быть для вас полезным.

– Я буквально с первой минуты прониклась к вам огромным доверием, – отозвалась она, – и уже считаю вас другом. Надеюсь, вы будете меня навещать, как только все успокоится.

Я поблагодарил ее, кивнул мисс Боулер и удалился, радуясь только что услышанному. Подумать только, она считает меня своим другом! Но теперь я просто обязан инициировать расследование убийства ее отца. Разумеется, неофициальное, которое будет вести доктор Торндайк. Только он сможет найти убийцу.

Слова патологоанатома, конечно, прозвучали для меня как гром среди ясного неба, но за этим открытием – несомненно – стоял доктор Торндайк. Патологоанатом, конечно, был настоящим специалистом и смог бы разобраться в причине смерти без всякой помощи, если бы догадался что-то искать. Ведь чтобы заметить следы инъекции в спину, надо постараться. В глаза они не бросаются. Девяносто девять докторов из ста почти наверняка ничего бы не заметили, особенно если покойный был «утопленником» и на теле нет никаких повреждений. Подобного рода открытия были характерны для Торндайка. Он всегда учил, что не следует сразу хвататься за то, что лежит на поверхности, и расследовать любое дело, с виду даже самое банальное, надо очень тщательно, как будто сложнее его ничего нет. И тогда, например, неожиданно выяснится, что на самом деле суицид – ловко замаскированное под него убийство. Если бы не мой недавний визит к Торндайку, вердикт присяжных был бы совсем другим. Например, «смерть по неосторожности» или «самоубийство на почве временного помешательства». Так что я обратился к доктору очень вовремя. Как же теперь подвигнуть его начать расследование?

Он может отказаться, скажет, что это не в его компетенции. И расходы, а они непременно будут, – со своими скромными средствами я их скорее всего не потяну. Но все равно нужно зайти к Торндайку, выслушать, что он скажет. И как можно скорее.

Сейчас же мне пора было прибавить шаг, чтобы успеть на прием пациентов доктора Корниша в его кабинете на Макленберг-сквер.

Глава 4

Пациент Бенделоу

В Лондоне есть районы настолько скучные и серые, что там буквально не на чем остановить взгляд. Кругом какие-то лавки, торгующие то ли старым корабельным имуществом, то ли другим бесполезным товаром. Под стать обстановке и такие же унылые обитатели.

Вот такое место я обзирал с верхней части омнибуса через несколько дней после разбирательства коронера (экипаж доктора Корниша в данный момент был в ремонте, а лошадь на выпасе). Район этот именовался Хокстон, а улица, куда мне следовало прибыть, – Маркет-стрит, что недалеко от канала Риджентс.

Ехал я по вызову, который посыльный принес в кабинет доктора Корниша, но адресованный «доктору Стивену Грею», что меня немало удивило. Бумагу подписал некто Джеймс Моррис, который не был мне известен. Откуда же он знал меня?

Вызов доставили рано утром, и там содержалась просьба «приехать по возможности пораньше». Что за срочность? И потом, зачем вызывать незнакомого врача, молодого, только начинающего практику, и заставлять его ехать в такую даль? Неужели не нашлось никого поближе?

Такие вопросы я себе задавал и сидя в омнибусе, и шагая по этой самой Маркет-стрит, выискивая дом 23 и канал, который видел на карте. Улица оправдывала свое название – там было полно магазинчиков и лотков с разнообразными товарами. Пришлось обратиться за помощью к продавцу рыбы, он показал, куда идти. Вскоре я увидел и канал, и дом – он был последним на противоположной стороне, а в нескольких ярдах за ним улицу перегораживала низкая стена, над которой виднелась мачта парусного баркаса, медленно проплывающего мимо.

Я подошел к стене. За ней внизу виднелась пешеходная дорожка, идущая вдоль канала. На баркасе начали опускать мачту, чтобы пройти под мостом, который виднелся где-то в двух сотнях ярдов впереди.

Затем я направился к дому. Первый этаж занимал магазин, довольно свежая вывеска на котором возвещала, что его владелец – «Дж. Моррис, антиквар». Выставленный на витрине товар заставил меня усмехнуться. Какой антиквар? Написали бы лучше старьевщик. На витрине красовалась потрескавшаяся пивная кружка в виде сидящего на табурете тучного джентльмена в треуголке и с трубкой, древний морской секстант, часы с кукушкой, табакерка, пара садовых статуэток, побитая чаша для пунша, картина маслом, настолько темная, что невозможно было разглядеть, что там изображено, и наконец посмертная гипсовая маска, возможно, какой-то знаменитости, мне неизвестной.

Мой осмотр прервало появление над задернутой занавеской лица, принадлежащего женщине среднего возраста. Она рассматривала меня с недоброжелательным интересом. Недолго думая, я открыл дверь магазина. Внутри звякнул колокольчик, и тотчас появилась она.

– Я доктор Грей...

– Дверь сбоку, – буркнула она. – Звоните и стучите. Там есть дверной молоток.

Я поспешно последовал в указанном направлении, дернул колокольчик и два раза ударил в дверь молоточком. Никто не отозвался. Неужели в доме никого нет и вызов прислали по ошибке? Я постучал еще несколько раз и был вознагражден. Дверь отворила та же самая женщина, что и в магазине, с очень противной кислой физиономией.

Не произнеся ни слова, она впустила меня, заперла дверь, повернулась и пошла. Я последовал за ней по длинному коридору, который закончился у двери в просторную прихожую первого этажа. Справа виднелась лестница, а в дальнем конце всю стену закрывала тяжелая штора.

Женщина начала подниматься по лестнице медленным похоронным шагом. На площадке она остановилась у первой двери и нарушила молчание. Голос у нее был хриплый:

– Скорее всего вы застанете мистера Бенделоу спящим. И не будите, пусть спит.

– Мистер Бенделоу? – спросил я. – Мне показалось, что фамилия пациента Моррис.

Она покачала головой:

– Нет, пациент Бенделоу. А Моррис – фамилия моего мужа и моя тоже. Это он прислал вам вызов.

– Кстати, а откуда он обо мне узнал? – спросил я. – Вызов принесли в кабинет доктора Корниша.

– Не знаю, – ответила она. – Наверное, сказал кто-нибудь. Но это не важно. Тем более что вы уже здесь. Впрочем, от вас ничего особенного не требуется. Только формальное наблюдение. Мистер Бенделоу безнадежен. Мой супруг, мистер Моррис, водил его к известному специалисту, доктору Артемусу Кропперу, и он сказал, что у него рак билоруса.

– Пилоруса, – поправил я.

– Пусть так, – проворчала она, – какая разница. В любом случае у него рак этого самого, и его дни сочтены. Доктор Кроппер написал нам, что делать, мы и делаем. Насчет диеты и всего остального. Я вам покажу его бумаги. Он еще прописал мистеру Бенделоу морфий от болей. Мы даем – это делает мой муж – дважды в день. Пока хватает. Мистер Бенделоу к тому же почти совсем глухой, так что вы от него ничего добьетесь, тем более что он почти все время спит. Доктор Кроппер сказал, что у него нет времени его посещать, и мы пригласили вас. Так что зайдите, посмотрите его.

Она бесшумно открыла дверь, и я последовал за ней в некотором смятении, не понимая, что от меня требуется. Артемус Кроппер – весьма авторитетный врач, я слышал о нем, – поставил диагноз и сделал назначения, оспаривать которые я не собирался. Значит, мое присутствие здесь ничего не значило, что, конечно, задевало мое достоинство. Но пришлось смириться. Ничего не поделаешь, начинающему врачу приходится выезжать на любой вызов.

Весьма примечательную внешность мистера Бенделоу подчеркивала подтверждающая диагноз Кроппера ужасная худоба. Похоже, что и в свои лучшие годы красавцем он не был, а теперь и вовсе имел вид отвратительной карикатуры. Все, что роковой болезни на его теле могло показаться лишним, она безжалостно убрала, обнажив скелет, зловеще проступающий сквозь тонкую кожу. Над всем тут доминировал его огромный крючковатый нос, похожий на клюв хищной птицы. Тяжелые нависшие брови, которые, видимо, прежде придавали ему хмурый вид, теперь были редки, а выступающие скулы делали его череп страшным. Вид пациента одновременно вызывал жалость и отталкивал.

Его возраст я оценить не смог. Мистеру Бенделоу могло быть и все сто лет. Удивительно, что он все еще был жив; казалось, в этом теле не могло остаться ничего, что заставило бы его функционировать.

Сном его состояние назвать было нельзя. Это была своего рода летаргия, вызванная действием морфия. Естественно, он не видел меня, когда я подошел к постели и громко его окликнул.

– Поговорить с ним вам не удастся, и не надейтесь, – сказала миссис Моррис, глядя на меня с каким-то мрачным торжеством. – Он и на нас совсем не реагирует.

– Да, – проговорил я со вздохом, – пожалуй, лучше его не беспокоить. Но осмотреть придется, так положено. Я не имею права делать заключения на основании чужих слов.

Она пожала плечами:

– Делайте, что считаете нужным. Вам лучше знать. Только не тревожьте его без нужды.

Осмотр длился недолго. Коснувшись пальцами живота пациента – вернее, того, что от него осталось, я ощутил твердое образование, что не оставляло сомнений в правильности диагноза. В любом случае жить ему оставалось неделю, может, немногим дольше.

Мне показалось, что пациент осознает происходящее, хотя и не реагирует. Он смотрел на меня без всякого интереса пьяными сонными глазами. На голове у него была черная шелковая ермолка, из-под которой виднелись темные волосы с проседью. Значит, он не был лысый, что представлялось странным. И состояние зубов тоже можно было оценить как вполне удовлетворительное. Чтобы окончательно убедиться, я приподнял его верхнюю губу.

Но тут вмешалась миссис Моррис:

– Зачем это? Ведь вы не дантист, а его зубы на болезнь не влияют. Если вы закончили, то пойдёмте, я покажу вам назначения доктора Кроппера. Если у вас будут какие, вы их тоже напишите.

Я последовал за ней вниз по лестнице на первый этаж, где она завела меня в небольшую, хорошо обставленную комнату. Там миссис Моррис достала из ящика бюро открытый конверт и протянула мне. В нем лежали несколько рецептов лекарств, включая морфий, и листок с рекомендациями по питанию.

– Я сейчас вспомнила, что у нас морфий заканчивается, – сказала она. – Так что, пожалуйста, принесите в следующий раз.

– Каждый день навещать пациента не имеет смысла... – сказал я.

– Да, – согласилась она. – Я думаю, двух раз в неделю будет достаточно. Мне лучше всего подходят понедельник и четверг. С утра, примерно в это время. Я пока сильно занята. Мы недавно сюда переехали, и у нас нет служанки. Так что все приходится делать самой.

Нельзя сказать, что я пришел от этого предложения в восторг. В медицинской практике таких строгих установлений визитов по дням избегают, но пришлось согласиться с оговоркой: если в указанное время у меня не будет срочных вызовов. Все, опять же, по причине моего теперешнего не очень твердого положения.

Затем она быстро проводила меня по ковровой дорожке до двери. На радушие тут не было и намека.

Уходя, я глянул на витрину магазина и снова над занавеской увидел лицо. На этот раз мужское. Видимо, хозяина, мистера Морриса. Кажется, он меня разглядывал, правда, и я тоже успел кое-что ухватить. По крайней мере, заметил недельную щетину на щеках, усы и заячью губу.

Впрочем, о нем я тут же забыл, а вот его супруга еще некоторое время занимала мои мысли. Своими грубыми и властными манерами она мне сильно не понравилась. Наверное, решила, что если доктор молод, то можно вести себя по-хамски. А так, мистер Бенделоу – необременительный пациент. От меня требовалось лишь создавать видимость врачебного наблюдения и снабжать их морфием. Получить его в аптеке весьма непросто. И наконец, когда придет время, а оно не за горами, выписать свидетельство о смерти.

Да, для молодого амбициозного врача, каковым я, по сути, являлся, выступать в таком качестве было унижительно. Но тут уж ничего не поделаешь, приходилось принаравливаться к обстоятельствам.

Позже я выбросил все это из головы и начал думать о более приятных вещах.

Глава 5

Находки инспектора Фоллетта

Для работы мысли пешая прогулка куда полезнее езды в экипаже. Наверное, существует какое-то взаимодействие между работой мускулов и мозга, которые стимулируют деятельность друг друга. Ходьба подстегивает мысли, а энергия размышления, в свою очередь, передается в опорно-двигательную систему.

По этой причине я, покинув Маркет-стрит, не обращал внимания на проезжающие мимо omnibusy. Мне необходимо было поразмышлять. И мысли мои были сосредоточены вокруг двух самых интересных для меня личностей – мисс Д'Эрбле и доктора Торндайка.

На мое краткое письмо («Не нужна ли какая помощь?») мисс Д'Эрбле ответила приглашением на чай, сопровождавшимся массой приветливых слов. Так что мне оставалось только предвкушать удовольствие.

А вот встреча с доктором Торндайком меня тревожила. Конечно, разрешить эту сложную загадку кроме него было некому. Но просить доктора тратить на расследование свое драгоценное время было очень неловко. Тем более что заплатить за работу мне нечем.

Но что остается? Убийцу Джулиуса Д'Эрбле полиция не найдет, тут нечего и мечтать. Он возник из темноты, совершил отвратительное преступление и растворился в темноте, не оставив ни следов, ни намеков на свои дьявольские мотивы. Не исключено, что он исчез навсегда и что тайна убийства Д'Эрбле вообще не будет раскрыта. Но если кто-то и способен ее раскрыть, то только Джон Торндайк. Отсюда вывод: либо злодей продолжит гулять на свободе, либо за расследование возьмется этот замечательный человек.

И поскольку первый вариант меня категорически не устраивал, то оставалось только идти к доктору. Но вначале следовало проверить, есть ли у полиции в этом деле какие-то подвижки.

Размышляя таким образом, я случайно посмотрел на табличку дома, мимо которого проходил. Там значилось: «Доктор Соломон Ашер». Неужели тот самый?

На младших курсах со мной учился один молодой человек с таким именем. Потом он перешел в другой институт, но я его хорошо помнил. Он был старше, по крайней мере лет на пять, а то и семь. Веселый, приятный парень, любитель выпить. Помню, он всегда пребывал в хорошем настроении. Одевался старомодно, из-за этого над ним все подтрунивали: внушительных размеров очки, забавные бакенбарды, длинный сюртук, а на голове – неизменный цилиндр.

Потрясающе, но дверь дома вдруг распахнулась и на пороге появился Соломон Ашер собственной персоной. В идентичном наряде – очки, бакенбарды, сюртук, цилиндр – и зонтик бабушкиных времен.

Он узнал меня не сразу – за эти годы я изменился, во всяком случае, гораздо больше его, – а затем повнимательнее взгляделся и воскликнул, расплывшись в улыбке:

– Да это же Грей! Боже, какой сюрприз. Представляешь, я тебя не узнал, ты стал настоящим мужчиной. Рад тебя видеть! – Мы обменялись рукопожатием. – Заходи ко мне, выпьем.

Он радушно распахнул дверь, но я отрицательно покачал головой:

– Спасибо, но сейчас никак не могу.

– Почему? Давай выпьем, это полезно. Я только что принял чуть-чуть и готов принять еще. Что? Как ты сказал? Нет времени? Жаль. – Он помолчал. – И куда ты идешь?

Оказалось, что нам по пути. Ашер пристроился рядом и оглядел меня.

– Значит, ты наконец вылетел из гнезда. Носишь взрослую одежду!.. У тебя что, пациенты в этом районе?

– Нет, – ответил я. – Понимаешь, я совсем недавно получил диплом и сейчас временно замещаю одного доктора.

– Так это же прекрасно! – воскликнул Ашер. – Для начала замещать кого-нибудь совсем даже неплохо. Набить руку на чужих пациентах, познать то, чему не учат в институте...

– Ты имеешь в виду бумажную волокиту?

– Нет, не это, – ответил он, – а работу с пациентами. Как сделать так, чтобы они всегда были довольны. Между прочим, это настоящее искусство, которому тебе следует обучиться, мой мальчик. Да, методы лечения и прочее в институте преподают отлично. А вот практическая смекалка, знание человеческой природы – это приходит со временем.

– Но знать методику постановки диагнозов, наверное, тоже полезно, – заметил я.

– Полезно, мой дорогой, полезно. Хотя точный диагноз, как известно, может поставить только патологоанатом. – Ашер громко рассмеялся. – Ты знаешь, какое заболевание наиболее распространено? – Он посмотрел на меня, ожидая ответа, и, не получив, продолжил: – Общее недомогание. И как с ним бороться? А по-разному. Возьмем хотя бы отоларинголога. Как ты думаешь, что его кормит? Диагностика и терапия сложных заболеваний среднего и внутреннего уха? Ничего подобного. Его конек – серные пробки. К нему приходит пациент с жалобами на неожиданно развившуюся острую глухоту, и вначале доктор для вида проделывает разные умные манипуляции. Исследует слух с помощью камертона, потом в ход идет отоскоп и прочее. А после он извлекает из уха серную пробку. И все, пациент вновь обретает слух. Конечно, он доволен и славит доктора. А вот я приспособился извлекать из горла рыбы кости.

– Ну, это не всегда легко сделать, – сказал я.

– Это верно, не всегда, – согласился Ашер. – Особенно когда костей там нет.

– Что значит нет? – удивился я.

Он усмехнулся.

– А то и значит. Вот, послушай. Ко мне явился молодой человек с жалобой, что у него в горле застряла рыбья кость. Конечно, ее там не было. Кости редко когда остаются. Его беспокоила образовавшаяся после укола костью ранка в мягком нёбе. При этом он был убежден, что там у него торчит кость. Он сходил к доктору. Тот осмотрел горло и сказал, что никакой кости там нет. Молодой человек остался недоволен и отправился к другому доктору. С тем же результатом. Побывав у четырех разных докторов (представляешь – четырех!), он наконец попадает ко мне. Я его внимательно выслушиваю и, поняв, что просто-напросто имею дело с дураком, направляюсь к шкафу за рыбьей костью, которую держу для таких случаев в коробочке из-под пилюль. Незаметно зажимаю ее хирургическим пинцетом, и в путь. «Давайте посмотрим, что у вас там, – говорю. – Откройте рот пошире, еще шире, так, хорошо... А, вот и она, я ее вижу». Я сую ему в глотку пинцет, осторожно шевелю вдоль мягкого нёба. Пациент ойкает. Затем быстро извлекаю пинцет и подношу к его глазам. Он видит рыбью кость и довольно выпучивает глаза. Затем я обрабатываю ранку, и он встает рад-радешенек, восклицая: «Вот это да! Наконец-то я смогу нормально есть». И разумеется, он будет рекомендовать меня всем своим родственникам и знакомым. Вот такая, мой друг, терапия. Как видишь, воображаемую рыбью кость из горла извлечь легко. И пациент доволен... Так что прислушайся к моему совету, держи где-нибудь в кабинете под рукой рыбью кость, стерильную, конечно. Когда-нибудь пригодится. Неплохо также иметь какое-нибудь небольшое засушенное насекомое. Пациенты иногда жалуются, что им что-то попало в ухо. – Он вздохнул. – Ладно, старина, до свидания. Мне пора сворачивать к пациенту, он живет здесь неподалеку. Заходи как-нибудь вечером, выкурим по трубочке. Теперь ты знаешь, где меня найти. Счастливо! До встречи.

Дружески улыбнувшись на прощание, он свернул в переулок, весело помахивая зонтиком.

Я двинулся дальше. Добродушный цинизм приятеля меня забавлял, и кое-какая житейская мудрость в его наставлениях, безусловно, была. К ней следовало прислушаться.

Посетив еще несколько пациентов, я вернулся в свое временное жилище. В прихожей горничная шепотом сообщила, что меня ждет полицейский.

– Он в смотровом кабинете, – добавила она. – Его фамилия Фоллетт.

Проследовав в комнату, я обнаружил там старого знакомого инспектора. Он стоял, закрыв один глаз, перед плакатом для проверки остроты зрения. Мы тепло поздоровались, затем в ответ на мой вопросительный взгляд он молча достал из кармана служебный конверт, из которого извлек несколько предметов и разложил их на письменном столе: монету, серебряный пенал для карандашей и пуговицу.

Меня заинтересовала монета. Я ее взял и, внимательно рассмотрев, положил на место. Это была гинея времен правления Карла Второго, датированная 1663 годом. В очень хорошем состоянии, чистая и блестящая.

– Вы ее прежде видели? – спросил инспектор.

– Нет.

– А пенал?

Я повертел его в руках.

– Вижу впервые.

– Может быть, вам знакома пуговица?

– Думаю, она от жилета, – заключил я после осмотра. – От твидового жилета. И судя по нитке и кусочку ткани, ее оторвали с усилием. Но она мне незнакома.

Инспектор Фоллетт улыбнулся:

– Я в этом не сомневался, но все равно решил проверить. Эта пуговица не от жилета несчастного Д'Эрбле, который я тщательно осмотрел. Там все пуговицы на месте. Затем я показал эти вещи мисс Д'Эрбле, и она заверила меня, что ее отцу они не принадлежали. Пеналами он вообще не пользовался. У художников это не принято. И насчет монеты она тоже ничего не знает.

– А откуда все это у вас? – спросил я.

– Со дна лесного озера, – ответил он. – Я готов вам рассказать, если располагаете временем.

– Прошу вас, расскажите, пожалуйста, – попросил я, усаживая инспектора в кресло.

– Но учтите, доктор, это строго конфиденциально, – предупредил инспектор и, получив мои заверения, начал: – Так вот, на следующее утро после разбирательства у коронера я встретился с сотрудником Скотленд-Ярда и из разговора с ним понял, что никаких активных действий они по этому делу предпринимать не будут. Впрочем, это понятно. У них нет времени на дела, в которых полностью отсутствуют улики. – Он посмотрел на меня. – Вы сами можете видеть, что тут совершенно не за что зацепиться. В общем, я решил начать расследование сам, прежде, конечно, получив разрешение суперинтенданта. Я тщательно прочесал примыкающий к озеру участок леса. Нашлась только шляпа мистера Д'Эрбле, в кустах, недалеко от главной аллеи. Оставалось озеро. К счастью, оно мелкое, так что мои поиски оказались удачными. Ради этих вещей стоило потрудиться. Возможно, монета нам кое-что скажет. Уже сейчас можно предположить, что убийца – коллекционер и что Д'Эрбле оказал сопротивление. На берегу между ними завязалась борьба. Как известно, покойный был внушительного сложения, и неизвестно, чем бы это все кончилось, не подействуй яд.

– Вы считаете, что эти вещи принадлежат убийце? – спросил я. – Почему?

– На это у меня есть основания, – ответил он. – Возьмем пуговицу. Она оторвана от жилета, и оторвана, как говорится, «с мясом». Из кармана при этом выпали два предмета. Можно предположить, что Д'Эрбле, падая, схватился за карман жилета убийцы и, может быть, увлек бы его за собой, если бы пуговица не оторвалась... В кармане убийца носил коллекционную монету – я уверен, она стоит больших денег, – но он почему-то оставил ее в озере.

Хотя ее можно было вытащить обычным рыболовным сачком. Но он этого не сделал. Странно. Конечно, есть и другие вопросы.

– Вы правы, инспектор, – произнес я, впечатленный ходом его мысли. – Но все равно пока личность преступника остается для нас тайной.

– Вы правильно заметили – пока, – отозвался он. – Когда с этими вещами поработают сыщики из Скотленд-Ярда, может быть, что-то и прояснится.

– То есть вы собираетесь передать свои находки им?

– Конечно. Пусть с этим разбираются тамошние асы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.